

...Гобято стоял на ступеньке своего дома. Вдали затихал звук копыт — вестовой, вручивший телеграмму, помчался дальше. Перед глазами Леонида Николаевича всплывали голые скалы Артура, усеянные трупами поля, перевернутая пушка с повисшим на стволе телом канонира... Телеграмма жгла пальцы...

Всего четыре месяца радостной семейной жизни отпустила ему судьба. И сейчас, как и тогда, в церкви, Олимпиада стояла, рядом. Она не спрашивала: все поняла. Руки ее безостановочно, что-то искали на груди...

- Как же так? Зачем? — беззвучно шептала она...

Уже к вечеру кони были поданы, вещи уложены. Леонид Николаевич давал последние советы управляющему, просил взять под контроль организацию общественного госпиталя-лазарета на четырнадцать коек: под большой не нашли помещения, да и село бедное. Днем он собрал в волостном правлении всех уважаемых жителей:

- Управление и организацию госпиталя поручаю бывшему солдату японской войны Брысину Федору Максимовичу. Содержание коек до конца войны беру на себя.

Узнав об отъезде Леонида Николаевича, к дому собралось, много народу. Люди обступили крыльцо, заполнили аллею. В парадной форме полковника, с золотым Георгиевским оружием, всеми боевыми наградами на груди, он подходил к каждому, прощался. Обойдя всех, поднялся на крыльцо, долго смотрел на собравшихся. Послышались всхлипывания женщин, мужчины хмуро смотрели вниз...

Сняв фуражку, он низко-низко поклонился народу...